

ЖЕЛАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

комплект из 3 книг

Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой.

Людмила Мартова

**Желание женщины.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2023, 2024, 2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Желание женщины. Комплект из 3 книг / Л. Мартова — «Эксмо», 2023, 2024, 2026 — (Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой.)

ISBN 978-5-04-252491-2

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! В состав входят: «Дневник с признанием в убийстве», «Стереть из памяти», «След на весеннем снегу». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. «Дневник с признанием в убийстве» Маша, молодая библиотекарь из Новосибирска, переезжает в Санкт-Петербург к бабушке — бывшей балерине, которая ставит условие: внучка должна прожить с ней год, чтобы получить квартиру в наследство. Маша погружается в атмосферу старого петербургского дома, знакомится с соседями — театральными людьми. Вскоре выясняется, что тридцать лет назад в этом доме произошло убийство актера, и отец Маши был осужден за это преступление. А потом девушка случайно находит дневник бабушки с шокирующей записью: «Сегодня я убила Антона». Решив разобраться в семейной тайне и спасти доброе имя отца, она начинает собственное расследование... Увлечательность, легкий стиль, узнаваемые женские образы — отличительные черты романов Людмилы Мартовой. На фоне захватывающей детективной интриги автор в легкой доступной форме непринужденно разбирает непростые житейские ситуации, в которых может оказаться любая читательница, и ненавязчиво подсказывает пути выхода из них. «Стереть из памяти» Лике Ковалевой, главной героине нового романа Людмилы Мартовой «Стереть из памяти», спокойно не живется. Тайны прошлого уже двадцать лет не дают ей спать по ночам, подкидывая воспоминания в страшных кошмарах. Ни врачи, ни помощь близких людей не помогают. Ей ничего не остается, как вернуться в город, где проходило ее детство, чтобы самой во всем разобраться... Людмила Мартова — мастер увлекательной детективной мелодрамы, автор захватывающих остросюжетных историй. Их отличают закрученная детективная интрига,

лихой финал с неожиданной развязкой и, конечно же, яркая любовная линия. Героини романов Людмилы Мартовой — современные молодые женщины, которые точно знают, чего хотят от жизни. «След на весеннем снегу»

Главная героиня нового романа Людмилы Мартовой «След на весеннем снегу», преподавательница английского Мила — обычная женщина, которая мечтает о простом житейском счастье, хочет любить и быть любимой. Но на пути к нему она попадает в непростую историю: ей предстоит помочь детям и расследовать убийство. А в результате — найти свою любовь... В одно утро размеренная жизнь тихого городка переворачивается с ног на голову. Учительница английского языка Мила на прогулке с собакой находит клад старинных монет. Перед этим ее чуть не сбил известный архитектор — оказывается, совсем рядом он строит необычный дом для одного из отцов города. И вскоре там же, в Кузнецкой слободе, находят тело местного предпринимателя. В убийстве подозревают его жену. Она с детства дружит с бывшим хозяином участка, где был спрятан клад... Это случайность или звенья одной цепи? Почему в дом к Миле влезают злоумышленники, ведь все знают — клад забрали в полицию? Ей придется разобраться во всем самой...

У Людмилы Мартовой легкий стиль, но при этом нелегковесное содержание. Ее детективные романы из серии «Желание женщины» дарят надежду. Их героини на своем примере показывают читательницам: если много сделать сегодня, то завтра все обязательно получится. А еще они учат ничего не бояться, ведь если посмотреть своим страхам в лицо, то с ними будет гораздо легче бороться! *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252491-2

© Мартова Л., 2023, 2024, 2026

© Эксмо, 2023, 2024, 2026

Содержание

Дневник с признанием в убийстве	6
13 января 1996 года	7
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Людмила Мартова

Желание женщины. Комплект из 3 книг

Дневник с признанием в убийстве

© Мартова Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Все события вымышлены.

Любые совпадения случайны.

13 января 1996 года

Сегодня я убила Антона.

Разумеется, я не планировала так поступать. Более того, если бы я только знала, что наш разговор закончится подобным образом, я бы ни за что его не начала. Что ж, приходится признать, что я с самого начала неправильно оценивала ситуацию. Так странно, я привыкла гордиться своей интуицией, да и Павел всегда говорил, что я чувствую все, как кошка, и эта способность сразу постигать суть вещей у меня врожденная.

Павел... Если бы он был жив, все было бы иначе. Как же бесповоротно, как же безвозвратно изменили меня те годы, что его нет рядом. Сначала я потеряла его, а потом, почти сразу, Володю. Наверное, моя главная вина как раз в том, что сын стал чужим мне человеком. Может, стоило проявить гибкость, подладиться, стерпеть, смолчать. Но тогда это была бы не я. А сохранить себя и свою индивидуальность всегда было для меня задачей номер один. Павел это понимал. Даже Павел с его неукротимой волей к главенствованию во всем. И вот Володя приехал, и все запуталось окончательно.

Если бы не он, я бы не поступила с Антоном так. Но кто ж знал, что мальчик способен так остро чувствовать. Я совершенно не понимаю, что делать теперь, после того, как нанесла непоправимый удар. И дело не в совершенном мною смертном грехе, а в том, что мне теперь предстоит разбираться с его последствиями. Сделанного не исправить, но ничего не предпринять я не смогу. Придется выбирать из нескольких вариантов, и все они плохие. Буду думать!

Глава первая

Маша открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Вместо привычного низкого, давно не беленного потрескавшегося потолка со старым рожковым светильником, над ней было казавшееся бесконечным пространство, все-таки заканчивающееся довольно высоко потрясающей лепниной с розеткой посередине. От розетки отходила не менее потрясающая хрустальная люстра, каждая подвеска которой переливалась в свете уличного фонаря, проникающем через незашторенное окно, словно это часть бриллиантового кольца королевы Анны.

В голове мелькнуло какое-то смутное воспоминание. Когда-то очень давно Маша уже лежала вот так же в кровати и, затаив дыхание, рассматривала королевскую люстру и пускаемые ею по стенам блики, и эта реминисценция услужливо вернула ей осознание того, где именно она находится. В Санкт-Петербурге, на 5-й линии Васильевского острова в четырехкомнатной квартире, принадлежащей ее бабушке. В той самой квартире, в которой Маше предстояло провести наступивший год.

Такое странное условие поставила бабушка, которую Маша до этого видела только один раз в жизни. Тогда ей исполнилось четыре года, и на день рождения родители приехали с ней в Санкт-Петербург, познакомить с папиным родным городом и папиной мамой, Алиной Аркадьевной Стрельниковой.

Как известно, память четырехлетнего ребенка произвольна и фрагментарна, поэтому Машины воспоминания из той поездки были скудными и рваными, похожими на лоскутное одеяло. Из всей бабушкиной квартиры она запомнила только длинные темные коридоры, довольно сильно напугавшие ее, саму бабушку, сидящую в кресле-качалке, надменную и величественную, с неизменной пахитоской в руках, и вот эту сверкающую на солнце люстру.

Собственно Санкт-Петербург остался в воспоминаниях только зоопарком с огромным слоном и очень вкусным мороженым. Оно растаяло на солнце, и Маша обкапала свое нарядное платье, а мама безуспешно пыталась оттереть липкое пятно носовым платком, который папа смочил водой из бутылки.

Да, там был слон, а еще воздушный шарик, ей купленный после того, как размазали пятно еще больше и махнули на него рукой. У тележки с шариками Маша застряла надолго и смотрела на них как зачарованная, и папа купил и торжественно вручил ей один, ярко-красный, и Маша потом весь день носила его за собой, а вернувшись к бабушке, привязала к спинке стула, и сейчас стоящего у окна.

Или шарик купили сначала, а мороженое позже, и Маша обляпалась именно потому, что ей неудобно было одной рукой держать его и снимать бумажную обертку, поскольку вторая рука занята шариком? Сейчас, спустя тридцать с лишним лет, и не вспомнишь, что было сначала, а что потом.

Что она помнила совершенно четко, так это лица родителей, счастливые и очень молодые. Больше никогда не видела она у них таких счастливых лиц. Через полгода после той поездки, зимой, папа уехал от них навсегда, и Маша больше его не видела. Она знала, что родители развелись и папа покинул Новосибирск, а они с мамой остались. Как-то, уже в старших классах школы, Маша попыталась вывести у мамы, что послужило причиной развода, но та лишь упрямо сжала губы и попросила эту тему не затрагивать.

Маша послушалась, как всегда. А после того, как сама «сходила замуж» и развелась, поняла, что причиной разлада в родительской семье, скорее всего, стала другая женщина. Поняла и успокоилась. Если за тридцать лет отец ни разу не захотел узнать, как живет его дочь, значит, и ей про него знать совсем не обязательно.

Не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал. Исходя из этой житейской мудрости, Маша привыкла считать отцом мамино второго мужа Ивана Петровича Кораблева, растившего ее

с тех пор, как ей исполнилось семь. Иван Петрович отвел Машу в первый класс, искренне ее любил и различий со своим родным сыном Петькой не делал, а Маша хоть и не звала его папой, но таковым считала. Так и жили до тех пор, пока в эту устоявшуюся привычную жизнь внезапно не ворвалась бабушка по отцу. Актриса Стрельникова из Санкт-Петербурга.

В Машиной памяти бабушка была случайным, давно стершимся и почти забытым воспоминанием. За все годы после развода родителей Алина Аркадьевна ни разу не поинтересовалась внучкой, не прислала ни одного подарка, да что там подарка, хотя бы письма. Бабушка осталась в прошлом, так же как отец. И ее возникновение из небытия произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Бабушка позвонила по телефону, чудом сохранившемся с тех времен, когда Машины родители еще жили вместе. Вернее, и квартира сохранилась, та самая двухкомнатная панелька в спальном районе Новосибирска, которую когда-то папа получил как молодой специалист. Вообще-то это было сродни чуду – бесплатная квартира от предприятия. В 1990 году такое, конечно, еще происходило, но уже становилось редчайшим явлением.

Система жилищного обеспечения, существовавшая в советское время, уже трещала по швам. Но оборонный завод, на который папа приехал работать добровольно, да еще и после окончания аспирантуры, мог себе позволить подобную роскошь. По закону, бывшим аспирантам, приехавшим из другого региона, обязаны были предоставить жилье вне очереди.

Папа подходил под этот критерий, тем более что привез с собой молодую беременную жену. В общем, квартиру они получили, а в 1991 году приватизировали. Была она небольшая, общей площадью метров в сорок, и располагалась в типовом панельном доме, сплошь обвешанном антеннами и спутниковыми тарелками. Двор тоже был типовым: с детской площадкой, на которой, правда, не имелось ничего, кроме горки и качелей, скамейками у подъездов и небольшим парковочным карманом для машин.

Из окна своей комнаты, выходявшего на улицу, Маша, просыпаясь, видела березы, тополя и рябины, растущие вдоль тротуара, зеленые летом, желтые и красные осенью, покрытые снежными шапками зимой. Если сесть на подоконник, то можно увидеть проезжую часть дороги с автобусами и автомобилями, а чуть дальше остановку. И маленькая Маша любила залезать на подоконник, уютно устраиваться там за шторами, отрезая себя от окружающего мира. Лет до пяти она считала проезжающие машины: сколько красных, сколько белых и зеленых, а также автобусы, останавливающиеся для высадки и посадки пассажиров.

Научившись читать, она уже ничего не считала, а брала с собой книжку, погружаясь в прекрасные вымышленные миры. Ее любовь к книгам зародилась именно тогда – на подоконнике, изначально узком и неудобном, но расширенном папой, который умел совершенно все. Руки у него были золотыми.

После школы Маша поступила учиться на библиотекаря. В 2008 году, когда она получила аттестат зрелости, в Новосибирском государственном педагогическом университете открыли кафедру социально-культурной и библиотечной деятельности, ставшую единственным в городе местом, где готовили библиотекарей и специалистов культурно-досуговой сферы с высшим образованием.

Маша с искренним интересом погрузилась в изучение основ библиотечного дела, информационных технологий, методов работы с фондами, электронных каталогов и цифровых ресурсов. На первом же курсе она вышла замуж, и не из-за безумной влюбленности, а потому что пришла пора освобождать комнату, которую они делили на двоих с братом.

Мама с Иваном Петровичем спали на диване в гостиной, а они с Петькой – на двухъярусной кровати в маленькой комнате, где из-за двух школьных столов и шкафа было не развернуться. Пока Петька был маленьким, Маша спала наверху, потом они с братом поменялись ярусами, но восемнадцатилетней студентке и десятилетнему подростку становилось все труднее сосуществовать на четырнадцати квадратных метрах, а у Машиного молодого человека

– сына богатых родителей – имелась своя двухкомнатная квартира, что и заставило девушку согласиться на сделанное ей предложение.

Мама ее замужество и переезд восприняла с плохо скрываемым облегчением, а вот Иван Петрович тревожился.

– Хотя с детьми не спешите, – вздыхал он. – Тебе образование надо получить, чтобы от мужа не зависеть. Хотя специальность ты себе выбрала такую, что на хлеб хватит, а вот на масло уже вряд ли. Поживи для себя. На то, чтобы понять, годится твой муж в отцы или нет, нужно время.

Маша была вовсе не против того, чтобы завести детей. Она считала, что без них семья никак не может считаться настоящей, а вот муж ее, делающий первые шаги в отцовском бизнесе, не хотел торопиться. Он вообще не стремился ни к чему, что сделало бы их стремительно созданную ячейку общества настоящей семьей. Заполучив Машу в собственность, он тут же перестал обращать на нее внимание.

Он допоздна задерживался на работе, ходил по ресторанам один, потому что этого требовал бизнес, пропадал в бесконечных командировках, ни в чем себе не отказывал. В его жизни довольно быстро появились другие женщины, о чем Маша сначала не подозревала, а потом, когда догадалась, еще какое-то время старалась жить так, словно ничего не происходит.

Она не любила мужа, в чем тоже полностью отдавала себе отчет. От его измен ей не становилось больно, только противно. И не уходила она только потому, что идти ей было некуда. Не возвращаться же в родительскую квартиру, в комнату к подростковому брату, в которой даже двухъярусной кровати больше нет. К тому моменту, как Маша окончила институт и устроилась на работу в Областную детскую библиотеку имени Горького, она уже поняла, что семейная лодка разбилась о быт.

Развод был делом времени, а Маша слишком хорошо помнила, какую боль ей причинило расставание родителей. Она маленькой очень любила отца, вокруг которого вращалась вся ее жизнь, и его исчезновение стало для нее огромным ударом. Своим детям она не желала подобной участи. Выйдя замуж в восемнадцать лет, Маша развелась, когда ей исполнилось двадцать шесть. Еще довольно долго продержалась, учитывая бесконечные измены мужа и тот образ жизни, который он вел.

В последние пару лет муж пристрастился к алкоголю, частенько приходил домой пьяным, а если и нет, то напивался дома, перед телевизором. На развод Маша подала после того, как муж в первый раз ее ударил. Из скромной библиотечарской зарплаты в тридцать тысяч рублей пришлось выкроить пять тысяч в месяц на съем жилья. Точнее, самая скромная однушка стоила четырнадцать тысяч, и эта сумма была для Маши неподъемной, поэтому она сняла комнату у одинокой старушки, с которой по вечерам охотно пила чай, покупая к нему печенье курабье. Они обе его очень любили.

Старушку звали Марфа Васильевна, и она оказалась совершенно чудесной, с прекрасным характером. Они с Машей отлично ладили и даже еду готовили по очереди, и когда два месяца назад, после восьми лет совместной жизни Марфа Васильевна умерла, Маша искренне горевала, как будто потеряла родную бабушку, которой у нее никогда не было.

Мама, так уж получилось, выросла в детдоме. То, что папа женился именно на ней, стало причиной серьезного разлада его отношений с собственной матерью, в результате которого он ушел из дома, забрал маму и уехал из Санкт-Петербурга в Новосибирск. Некоторое потепление в отношениях наметилось спустя пять лет, именно в то лето, когда они приезжали в город на Неве, чтобы показать четырехлетнюю Машу бабушке, но из этой затеи, видимо, не вышло ничего хорошего, потому что они погостили несколько дней и вернулись, а спустя полгода папа ушел навсегда.

Да, Марфа Васильевна заменила ей бабушку. Она пекла пироги и учила этому Машу, она варила сказочное варенье, летом из клубники и костяники, а еще из жимолости, осенью

из яблок и брусники, а также из ирги. Она непревзойденно запекала карпа в сметане, а еще потрясающе готовила домашние пельмени, уху и строганину.

– Традиционная кухня Новосибирска и Новосибирской области сформировалась под влиянием разных культур: кочевников, переселенцев, городской интеллигенции и восточных соседей, – наставляла она Машу, с готовностью постигающей азы кулинарии. – В ней преобладают сытные блюда из мяса и рыбы с добавлением местных приправ – черемши, дикого лука, папоротника и трав. И я это все обязательно использую.

До того как выйти на пенсию, Марфа Васильевна преподавала в школе домоводство. Когда-то давным-давно у нее был муж, летчик-испытатель, погибший при выполнении задания. Больше она замуж не выходила и осталась бездетной. После смерти квартира ее отошла племянникам, детям сестры, которые жили в Москве и старушкой при жизни совершенно не интересовались.

Приехали на похороны, организованные Машей, назавтра после поминок сходили к нотариусу, чтобы огласить завещание, и уехали, даже не оставшись до девятого дня, любезно разрешив Маше пожить в квартире полгода, необходимые для официального вступления в права наследства. За эти полгода ей предстояло найти новое жилье. Срок истекал в конце января, но к двадцатым числам декабря Маша так и не подыскала ничего подходящего.

После смерти Марфы Васильевны она погрузилась в какое-то странное безразличие, не позволяющее ей даже начать поиски. Она искренне горевала по старушке. Как бы то ни было, ее уютную комнату предстояло освободить через месяц, и Маша понятия не имела, куда податься. Впереди маячили новогодние праздники, в этом году необычайно длинные, во время которых любая деловая активность сводится к нулю. Сидя в гостях у родителей, Маша в очередной раз выслушивала от мамы, какая она беспечная и неорганизованная, и именно в этот момент и раздался телефонный звонок от Алины Аркадьевны Стрельниковой, круто изменивший Машину жизнь.

Взявшая трубку мама даже не сразу поняла, кто звонит, а осознав, изменилась в лице. От первой свекрови, когда-то выгнавшей из-за нее из дома родного сына, она не ждала ничего хорошего. Но бабушка (это слово применительно к Алине Аркадьевне давалось Маше трудно) умела заставить себя выслушать. Ее предложение звучало неожиданно и одновременно дико заманчиво.

Алина Аркадьевна в уходящем году отметила восьмидесятилетний юбилей. В своем более чем солидном возрасте она наконец задумалась о том, кому завещать принадлежащую ей четырехкомнатную квартиру в самом сердце Санкт-Петербурга, а также все хранящиеся в ней ценности. Выбор пал на Машу, ее единственную внучку, о чем она и сообщила оторопевшей бывшей невестке. Правда, завещание обременялось единственным условием: Маша должна была переехать к бабушке в Питер и прожить с ней в той самой квартире не менее одного года.

– Я понимаю, что стара и могу помереть раньше, – с усмешкой сказала Стрельникова. – Поэтому завещание составлю сразу, как только девочка даст согласие. Если я уйду в мир иной раньше заявленного срока, что ж, ей просто повезет захватить солидный куш, не выполнив своей части сделки. Но если я переживу этот год, а она уедет от меня раньше, то я просто снова изменю завещание.

– А если вы останетесь живы, Маша вытерпит ваше соседство в течение года, но потом решит съехать? – уточнила мама.

– Боишься, что ей ради квартиры придется терпеть меня всю мою оставшуюся жизнь? – хмыкнула Стрельникова. – Ну, во-первых, это в любом случае не так уж и долго. А во-вторых, ты, может быть, не помнишь, но я всегда держу свое слово. Если Маша проживет со мной год, то я обещаю не менять завещание. Оно останется в силе, даже если она и решит меня покинуть. Адрес квартиры ты помнишь?

– Впечатался в память, – сквозь зубы ответила мама.

– Тогда пусть Маша даст телеграмму с датой своего приезда.

– Вы так уверены, что мы согласимся? – не выдержала мама.

– Да, уверена. Ни один человек в здравом уме и твердой памяти добровольно не откажется от наследства, тянущего на несколько десятков миллионов рублей. Но я вполне допускаю, что ваша дочь может оказаться блаженной или такой же упрямой, как ты и мой сын. В этом случае она способна отказаться от моего предложения. Если я не получу телеграмму в течение двух месяцев, я приму это за отказ и предложение будет считаться дезавуированным. Все понятно?

– Вполне, – пробормотала мама, после чего услышала в трубке короткие гудки.

– Тебе не стоит туда ехать, – рассуждала мама позже, когда они сидели за столом, обсуждая звонок свалившейся как снег на голову бабушки. – Это унижительно, идти у нее на поводу и принимать предложение, высказанное в подобной форме. Да и вообще. Нет никаких гарантий, что она сдержит свое слово. Я ни разу не видела от нее ничего доброго.

– Люди меняются. Прошло тридцать лет, – заметила Маша.

– Это не тот случай. Алина Стрельникова – самый эгоистичный человек из всех, кого я видела в своей жизни. Она всегда думала только о себе. Вряд ли это изменилось. Ваня, чего ты молчишь?

– А что мне говорить? – пожал плечами отчим. – Я никогда не видел эту старуху и, зная тебя, склонен верить твоим словам о ее характере и повадках. Но четырехкомнатная квартира фактически в центре Петербурга... Это целое состояние, и мы не можем своей волей лишать Машу такой возможности. В конце концов, старуха права, терпеть придется не так долго. Год пролетит быстро, а потом можно вернуться домой. Зато когда-нибудь, продав эту квартиру, Маша сможет купить новую где угодно. Хоть в Питере, хоть в Новосибирске. У нее нет своего жилья, и шансов его приобрести тоже нет. И мы ей в этом помочь не сможем. И вот судьба дает ей этот шанс. А ты, дочка, как считаешь?

Маша молчала. В глубине души она уже знала, что поедет в далекий и незнакомый Питер, и не потому, что хочет получить в наследство квартиру. Эта поездка обещала стать захватывающим приключением. Оно включало в себя переезд, полную смену обстановки, огромный прекрасный город, который Маша никогда не видела (та поездка в четыре года не в счет), но отчего-то любила заочно, знакомство с бабушкой, судя по всему той еще штучкой, новую работу, новые знакомства и, почему бы и нет, новую любовь.

Плюсом ко всему неожиданное предложение поступило как раз в тот момент, когда Маше предстояло освободить комнату в квартире Марфы Васильевны. Никаких других вариантов, куда переехать, кроме Питера, не предвиделось, так что звонок бабушки оказался крайне своевременным. А что касается того, что ей предстояло прожить со старым и, по сути, незнакомым человеком, ближайший год, так такой опыт у Маши имелся. И восемь лет, которые она провела рядом Марфой Васильевной, тому подтверждение. Они неплохо ладили. Маша была уверена, что и с бабушкой сумеет найти общий язык. О чем и сказала маме.

На следующий день она написала заявление об увольнении, обдумала план действий, купила билет на самолет и отбила телеграмму по адресу, который дала мама, с сообщением, что прилетит в Питер двенадцатого января. Встречать Новый год в незнакомом месте ей не хотелось, да и билеты на последние числа декабря уже раскупили. Что ж, она отпразднует с родными, за новогодние каникулы разберет свои вещи, освободит квартиру Марфы Васильевны и отправится в новую жизнь.

Так она и поступила, и сегодня проснулась в незнакомом месте, не сразу поняв, где находится. Маша какое-то время еще поразглядывала потрясающую хрустальную люстру. Наверное, пора вставать.

Часы на телефоне показывали шесть утра, и Маше понадобилось сделать усилие, чтобы понять, по какому это времени. По питерскому, да. В Новосибирске уже десять. Немудрено,

что она уже выпалась. Ее самолет приземлился накануне днем в половине четвертого. Пока Маша получила багаж и на такси добралась до Васильевского острова, стало уже пять часов.

От долгого перелета она устала, перед знакомством с бабушкой перенервничала, так что после ужина смогла лишь кое-как разложить вещи в выделенной ей комнате, после чего упала в кровать и уснула. Несмотря на восьмой час вечера, ее глаза слипались, потому что в Новосибирске время приближалось к полуночи. Да, она проспала десять часов, более чем достаточно.

Интересно, может ли она встать, или столь ранний подъем разбудит бабушку? Бывшая актриса, наверное, привыкла поздно вставать? Впрочем, Маша теперь тут живет и имеет полное право устанавливать собственный распорядок дня, а не подлаживаться под чужое расписание. В конце концов, на работу, которую ей еще предстоит найти, тоже придется просыпаться рано.

Она вылезла из постели, устроенной на широком раскладном диване, как была, в пижаме и босая, подошла к окну, выглянула наружу. Там было еще темно. Предутренняя мгла рассеивалась лишь ярким фонарем, заставлявшим мерцать волшебную люстру, находившуюся в зоне попадания достаточно мощного светового потока. Маша вдруг подумала о том, что хрусталь идеально вымыт. Запыленные или замутненные грани снижали бы отражение и дисперсию уличного света. Интересно, бабушка сама такая чистюля или у нее есть помощница по хозяйству?

Окно комнаты выходило на перекресток Пятой линии Васильевского острова с Бугским переулком. В свете фонарей виднелись доходные дома девятнадцатого-двадцатого веков, типичные для этого района. Какое-то время Маша с интересом разглядывала кирпичную кладку, лепнину и карнизы. Немного сбоку виднелись знаменитые питерские дворы-колодцы. А еще какой-то парк, засыпанный сейчас снегом. В интернете Маша нашла, что это сад Академии художеств. А еще обнаружила, что практически в соседнем доме находится Василеостровский рынок. Что ж знакомство с этим удивительным городом ей еще предстоит.

Вчера за ужином Алина Аркадьевна, которую язык не поворачивался называть бабушкой, рассказала, что дом, в котором жила она и где теперь предстояло жить Маше, построили в 1860 году в эклектичном стиле. Когда-то здесь все квартиры назывались барскими, пятикомнатными, но потом не раз перестраивались.

Стрельниковская квартира на четвертом этаже, к примеру, была четырехкомнатной, площадью в сто пятьдесят квадратных метров, и состояла, помимо гостиной, бабушкиной спальни, кабинета и гостевой комнаты, отведенной теперь Маше, еще из пятнадцатиметровой кухни, длинного, практически бесконечного коридора, довольно большой ванной, туалета и просторной кладовки.

Маша плохо помнила, как выглядела квартира тридцать лет назад, сейчас же здесь уже сделан современный ремонт. От темных коридоров, пугавших ее четырехлетнюю, не осталось и следа. Интерьер в светлых тонах казался воздушным и в то же время идеально сочетался со старинной, явно антикварной мебелью и картинами на стенах. Да, актриса Стрельникова явно не бедствовала. Интересно, с каких доходов это все.

Четырехлетней Маше, как она помнила, входить в бабушкину спальню категорически воспрещали. Она и сейчас, знакомясь с квартирой, не стала переступать порога той комнаты. Спальня – вещь интимная, особенно у женщины, пусть даже ей и исполнилось восемьдесят. В кабинет с книжными стеллажами под потолок и старинным креслом-качалкой Машу в детстве тоже не пускали. Она помнила, как через порог заморожено смотрела на мерно раскачивающуюся в кресле бабушку с неизменной пахитоской в зубах.

Конечно, бабушка курила не классические папиросы из мелкого резаного табака, завернутого в кукурузный лист, а тонкие сигареты, вставленные в длинный, очень изящный резной мундштук. Но Маше нравилось устаревшее слово «пахитоска», означающее изысканный табак, доставляемый из-за границы, чаще всего из Испании. Пахитоски курили героини Толстого,

Тургенева и Розанова. В памяти всплыла фраза из «Воскресения»: «У кушетки ее столик с кофе, и она курила пахитоску», – и все это очень подходило актрисе Стрельниковой.

Конечно, в четыре года Маша с великой русской литературой знакома не была и слова такого не знала, но сейчас, получив приглашение приехать в Санкт-Петербург и старательно вызывая в памяти бабушкин образ, почему-то подумала именно про пахитоску. За весь вчерашний вечер Алина Аркадьевна ни разу не закурила, так что насколько детские воспоминания совпадали с реальностью, Маша пока не поняла.

Они с родителями останавливались тогда в той самой четвертой комнате, в которой теперь ей предстояло жить целый год. Комната была самой маленькой, узкой, похожей на пенал, но все необходимое в ней имелось. Диван, на котором Маша провела свою первую в Санкт-Петербурге ночь, оказался удобным, шкаф, где она развесила свою одежду, вместительным. Еще в комнате имелись комод, этажерка для книг, кресло и столик у противоположной стены, а также два старинных стула с гнутыми спинками и ножками и новой обивкой из тисненого жаккарда. Жить можно.

Когда она начала раскладывать свои пожитки, заглянула Стрельникова, бросила оценивающий взгляд на раскрытый чемодан, разверстую сумку и небольшой рюкзачок, брошенный на диван.

– Это что, все твои вещи?

Маша вспомнила такую же фразу из любимого ею фильма «Девчата» и знакомую пренебрежительную интонацию, с которой она произносилась. Вспыхнула от неловкости. В этой богато обставленной квартире она чувствовала себя чужой, а впрочем, по сути, ею и являлась.

– Ладно, это мы исправим.

Интересно, как. В ближайшие же дни Маше предстояло найти работу, потому что ее накоплений могло хватить на пару месяцев жизни в Питере, не больше. Но даже если ей повезет и работа найдется быстро, вряд ли ее доход позволит сильно разнообразить немудреный гардероб. А то, что у внезапно проявившейся в ее жизни бабушки денег она не возьмет, это же очевидно.

Стоя у окна, Маша почувствовала, что босые ноги начали замерзать. Кроме того, ей внезапно захотелось есть, да так сильно, словно она голодала несколько дней. И это несмотря на ужин, который Стрельникова вчера приготовила к ее приезду. Точнее, слово «приготовила» тут не со-всем уместно. Блюда на столе оказались доставленными из ресторана.

– Я готовить не люблю, да и не умею, – сказала Алина Аркадьевна, заметив немое Машино удивление. – Ты это имей в виду. На неделе еду готовит Галина, но в выходные она не приходит, так что я обхожусь готовой едой из супермаркета или ресторанов. Если захочешь – присоединишься, а нет, так кухня в твоём полном распоряжении.

– А я готовить люблю, – призналась Маша. – Меня Марфа Васильевна научила. Правда, для себя одной я у плиты стоять ленилась, да и странно это – затеваться с разносолами для себя, но буду не против стараться для нас двоих, если ты... вы... не против.

– Я бы предпочла, чтобы ты звала меня по имени. Алиной, – правильно оценила ее короткую заминку Стрельникова. – И чтобы это не выглядело фамильярностью, на вы. Так нам обоим будет проще. Я не стремилась становиться бабушкой, а сейчас уже поздно, как мне кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.